

Очарование жанра BL: неосексуальность — фантазии и реальность



Юрасова Елена Николаевна

- канд. псих. наук,
- специалист ЕАРПП

Сексуальность всегда была фирменным знаком психоанализа, — пишет Т. Мюллер, автор современного учебника по психоанализу (6). Психоанализ, как течение научной и философской мысли и как медицинская практика, начался с изменения отношения к сексуальности, что вызывало бурные общественные реакции на факт его появления.

Современные изменения в проявлениях сексуальности, резкое увеличение ее нетрадиционных форм привело в кабинеты психоаналитиков новый контингент пациентов, что вновь подняло вопросы о взаимосвязи сексуальности и психического развития, о границах нормальных и нарушенных ее проявлений. Общественные реакции на сексуальную проблематику оказываются не менее

Похоже, что произведения в жанре BL стали современным вариантом «дамского любовного романа», отражающего фантазии женщин об идеальной мужской сексуальности, где в качестве наиболее привлекательного персонажа выступает мужчина, способный обеспечить не только прекрасный секс, но и успешно справиться с материнскими функциями холдинга и контейнирования.

Современные изменения в проявлениях сексуальности, резкое увеличение ее нетрадиционных форм привело в кабинеты психоаналитиков новый контингент пациентов, что вновь подняло вопросы о взаимосвязи сексуальности и психического развития, о границах нормальных и нарушенных ее проявлений.

эмоциональными, чем столетие назад, превращаясь в «психосоциальный синдром», когда нездоровая заинтересованность общества мешает свободному от социальных оценок рассмотрению этого явления, куда вовлекается политика, наука и искусство. В науке появляются новые термины — «перверсии» заменяются на «парафилии» и «неосексуальность», искусство предлагает новые жанры.

Жанр BL (аббревиатура Boys Love — «любовь мальчиков») — сериалы или комиксы мелодраматического содержания, рассказывающие о любовных и сексуальных отношениях двух молодых мужчин. Произведения в этом жанре различаются по их художественной ценности, но сюжетная линия содержит определенный набор клише, где воспроизводится один и тот же тип отношений героев, которые больше похожи на детско-родительские, чем на любовно-сексуальные: один из персонажей постоянно демонстрирует детскую непосредственность (точнее, инфантильность и импульсивность), а второй старается обеспечить телесное и эмоциональное благополучие партнера — ухаживает за больным, покупает или готовит еду, понимает и удовлетворяет потребности другого, включая те, которые непонятны самому их обладателю, способствуя их прояснению. У одного или обоих героев в прошлом присутствует травма, которая успешно преодолевается, благодаря новым отношениям, и история заканчивается хэппи-эндом. Картинка, на фоне которой разворачивается сюжет, чрезвычайно красива: пейзажи, интерьеры, одежда и сами мужские персонажи отличаются редкой красотой, при этом красота мужчин андрогинная. Обязательно присутствуют эротические сцены, но даже самые откровенные не имеют ничего общего с порнографией, и показывают не столько проявления страсти, сколько то, что в теории влечений Фрейда называется «кожным эротизмом» и относится к инфантильной сексуальности — прикосновения, поглаживания, объятия. О. Фенихель по этому поводу замечает, что особенно выражено кожный эротизм присутствует в «инфантильных формах любви, где объекты служат просто инструментами получения наслаждения». (10, С.101).

Интересным является тот факт, что создаются произведения данного жанра в основном гетеросексуальными женщинами, и их целевой аудиторией также являются гетеросексуальные женщины. В отзывах к сериалам встречаются многочисленные высказывания типа: «Герои такие милые!», «Я тоже хочу быть мужчиной и любить мужчин!», «Вот какими должны быть настоящие любовные отношения!». Похоже, что произведения в жанре BL стали современным вариантом «дамского любовного романа», отражающего фантазии женщин об идеальной мужской сексуальности, где в качестве наиболее привлекательного персонажа выступает мужчина, способный обеспечить

не только прекрасный секс, но и успешно справиться с материнскими функциями холдинга и контейнирования.

Именно эти особенности — тонкая чувствительность, эмоциональность, заботливость, приписываются геем, как представителям новой сексуальности. Предполагается, что эти качества они обрели благодаря принципиальному безразличию к полу сексуального партнера, избежав тем самым проблем эдиповой конкуренции и связанных с ними агрессии, зависти и ревности.

Нет ничего плохого в современных дамских романах, особенно если они хорошо написаны, хорошо сыграны и хорошо сняты. Попытка понять, насколько верно фантазии отражают реальность, скорее, вызвана необходимостью дать ответы на несколько вопросов, важных для аналитической практики. Действительно ли отказ от полного принятия гендерной идентичности, привязанной к биологическому полу, делает индивида внутренне более свободным и способным принимать собственные ограничения? Действительно ли это делает его отношения более гармоничными, эмпатичными и бесконфликтными? И даже если мы принимаем гомосексуальность как новую социальную норму, то по-прежнему важным остается вопрос о том, каковы факторы, способствовавшие гомосексуальному выбору?

Начну с обзора попыток ответить на последний вопрос. В настоящее время теории, предлагающие объяснения отклонений от «традиционной» сексуальности, можно разделить на 3 группы. (2)

Первая группа теорий идет от Фрейда (11) и его теории влечений. С этой точки зрения, гомосексуальность представляет собой разворот либидо по природе

своей бисексуального в результате негативного прохождения Эдипа и служит защитой от кастрационной тревоги. Уровень организации личности при этом невротический.

Развивать теорию влечений продолжает Юдит Лё Сольда (7), которая заявляет о фактическом ее пересмотре и предлагает новое видение гомосексуализма, в первую очередь мужского, как результата расслоения влечений либидо и агрессии, в нормальном состоянии связанных между собой. Это приводит в эрогенному мазохизму, когда физическая боль становится условием снижения напряжения влечения, что и переживается как удовлетворение. Уровень организации личности может варьировать от невротического до пограничного и не связан с выбором объекта.

Вторая группа теорий, построенная на концепциях британских теоретиков объектных отношений, в качестве главных факторов нарушений сексуальности рассматривает психопатологию отношений матери и ребенка и центральную роль преэдиповой агрессии. В своих БСЗ фантазиях ребенок проецирует агрессию на мать, а затем на отца,

Действительно ли отказ от полного принятия гендерной идентичности, привязанной к биологическому полу, делает индивида внутренне более свободным и способным принимать собственные ограничения? Действительно ли это делает его отношения более гармоничными, эмпатичными и бесконфликтными?

которых он воспринимает как единое целое, создавая угрожающий комбинированный отцовско-материнский образ. В результате не происходит нормальной идентификации со своим полом, образ представителей противоположного пола также оказывается фантастическим, а все сексуальные отношения воспринимаются как опасные и пропитанные агрессией. Объектные отношения представлены частичными объектами, уровень организации личности пограничный, либо психотический.

Третья группа теорий, связанная с французской психоаналитической школой, опирается на идею о регрессии к анально-садистской фазе, обозначая ее как развертывание «анальной вселенной». В ней господствует «анальное равенство» в противовес генитальной дифференциации. Это позволяет отрицать существование «другого» и вытекающие из этого фундаментальные различия: между полами и между поколениями, а также факт наличия смерти. И при вторичной защите от анальной регрессии происходит символическая акцентуация эстетических и формальных аспектов искусства, природы, физических объектов и межличностной реальности. Это позволяет идеализировать инфантильную сексуальность, в том числе свою собственную, как значительно превосходящую «обычную» генитальную сексуальность. Уровень организации личности пограничный, либо нарциссический (в понимании О. Кернберга (3,4)).

Идентичность представляет собой целостный, эмоционально принимаемый образ самого себя во всем богатстве социальных связей личности, куда входят представление о своей внешности, чертах характера, принадлежности к определенному этносу и определенной социальной страте.

Имеющийся у меня опыт работы с мужчинами-геями, хотя и недостаточный для статистически достоверных обобщений, позволяет думать, что в каждом конкретном случае могут присутствовать элементы всех 3 вариантов психодинамики одновременно. И к этому добавляется наличие в анамнезе травмы в виде абьюза, раннего столкновения со смертью, педофилического соблазнения. Важную роль играют также конституциональные особенности в виде высокой сензитивности, что приводит к тому, что травмирующими могут оказаться хоть и неприятные, но более-менее тривиальные события.

Я остановлюсь на наиболее часто встречающихся особенностях данного контингента, которые оказываются сходными у разных пациентов. К ним относятся особенности идентичности и особенности объектных отношений. Все пациенты, которых я описываю, взрослые мужчины от 30 до 40 лет, профессионально успешные и финансово стабильные. Имеют высокий уровень образования — врачи, юристы, менеджеры, банковские работники. Широко эрудированы, в том числе знакомы с психологической литературой, читая которую, пытаются объяснить свои переживания. Хорошо владеют коммуникативными навыками, имеют широкий круг общения.

Идентичность. Понятие ввел Э. Эриксон (12), и в его трактовке идентичность представляет собой целостный эмоционально принимаемый образ самого себя во всем богатстве социальных связей личности, куда входят представление о своей внешности, чертах характера, принадлежности к определенному этносу и определенной социальной страте. Идентичность геев по Э. Эриксону должна быть охарактеризована как диффузная либо негативная, а в терминах Х. Кохута (5), во всех перечисленных аспектах присутствуют грандиозная ложная самость и ничтожная истинная самость. Исключение составляет профессиональная сфера, где они часто являются перфекционистами, но она не оказывается точкой сборки всего образа, а, скорее, представляет собой изолированную субличность с иным языком, уровнем мышления и манерой поведения.

В качестве примера начну с виньетки, касающейся успешной социальной адаптации: мужчина около 50 лет, бизнесмен, пришел с запросом на парную терапию: «Нам вообще-то нужен семейный психолог, но я готов попробовать начать один, так как это — моя инициатива, а партнер потребности в этом не видит». Характеризует совместную жизнь следующим образом: «У нас идеальные отношения. Мы более 10 лет вместе, счастливы, любим друг друга и не изменяем друг другу. Это — редкость в нашей среде, и мы являемся примером для всех наших друзей, они видят в нас идеальную пару». На вопрос, что же заставляет его искать семейного психолога, отвечает: «У меня какая-то каша в голове, я не понимаю, могу ли я навязывать ему свою волю и имею ли я право чего-то хотеть?». Когда я задаю стандартный вопрос структурного интервью Кернберга: «А какой человек ваш партнер? Опишите его», получаю реакцию недоумения, характерную для пограничной организации: «В смысле?». Я предлагаю описать какие-то особенности, черты характера партнера, и пациент надолго замолкает в растерянности, комментируя это словами: «Да, интересный вопрос...», а затем начинает говорить примерно следующее: «Ну, вот я говорю ему, убери носки, он говорит «ага» и не делает», — и далее следуют примеры ситуаций подобного рода, когда партнер в быту ведет себя не так, как хочется пациенту. Далее он говорит о том, что сексуальные отношения перестали быть привлекательными, и для того, чтобы оживить их «нам нужен третий». (Фраза «нам нужен третий» кажется мне знаковой, так как звучала от нескольких пациентов при описании ими проблем в сексуальных отношениях.) Заканчивается описание идеальных отношений постановкой вопроса о том, не стоит ли ему расстаться с партнером, но от принятия такого решения его останавливает тот факт, что тогда возникнет много финансовых и бытовых проблем и будет разрушен образ идеальной пары в глазах друзей, а его очень хочется сохранить.

Описания себя и партнера в приведенном случае демонстрируют смешение сэлф — и объект-репрезентаций и отсутствие целостных образов внутренних объектов, что говорит о наличии диффузной идентичности: противоречащие друг другу аспекты Я и Другого плохо интегрированы между собой и отделены друг от друга. Это характерно и для других

Крах самооценки следует
за любой жизненной неудачей,
независимо от того, насколько
ее причины были вне контроля
индивида

Независимо от наличия или отсутствия отца, мать играет главенствующую роль в семье, демонстрируя при этом кастрирующее поведение, как по отношению к отцу ребенка, так и по отношению к мужчинам вообще.

пациентов. Присутствует смешение сэлф — и объект-репрезентаций, часто вообще невозможно понять, о чьих переживаниях говорит пациент — своих или партнера. Например, жалоба «меня бросили» при прояснении обстоятельств превращается в «я его послал»; «он стал со мной драться» оказывается «он меня выбесил, и я ему врезал». Чувства нарциссически приписываются партнеру при полной уверенности, что такие они и есть, потому что так чувствует сам пациент.

Проективная идентификация и проекция входят в число наиболее часто встречающихся защит, наряду с расщеплением и отрицанием. Часто говорят, что не знают, чего в действительности хотят, поэтому пытаются узнать, что «правильно» и следовать этому.

Описывая себя, а также причины выбора партнера, говорят, в первую очередь, о внешности (часто на этом описание и заканчивается). Себя характеризуют так: «Я красивый», «Я высокий, с хорошей фигурой и лицом», «Я стильный». Телу и внешности придается очень большое значение, тщательно ухаживают за собой, пользуются услугами косметологов, массажистов, фитнес-тренеров, и, действительно, внешне хорошо выглядят. Однако отношение к собственному телу всегда выражено амбивалентное. Все усилия по уходу за собой предпринимаются потому, что изначально считают себя либо слишком худыми, либо слишком толстыми, недостаточно мужественными, с недостаточно развитыми гениталиями. И как только кто-то делает замечания по поводу внешности, даже если они касаются таких легко исправимых вещей, как прическа или усталый вид, самооценка катастрофически рушится. То же самое происходит при сильных переживаниях по любым другим поводам — крах самооценки следует за любой жизненной неудачей, независимо от того, насколько ее причины были вне контроля индивида. При этом часто вовлекаются витальные функции: нарушается сон, пропадает аппетит или наоборот, начинают «заедать» переживания и жаловаться на излишнюю худобу или толщину, хотя внешне какие-либо изменения незаметны. Симптоматика сильно напоминает булимию/анорексию, а недовольство телом часто граничит с дисморфофобией.

Описание объектных отношений начну с детско-родительских. История детства показывает неблагоприятную семейную констелляцию (в моем опыте в 100% случаев). Отношения внутри родительской пары либо деструктивные (отец-алкоголик, частые скандалы и насилие в семье), либо отцовская фигура вообще отсутствует — родители в разводе и отец не участвует в жизни мальчика, что для мальчика означает отсутствие моделей для идентификации. Независимо от наличия или отсутствия отца, мать играет главенствующую роль в семье, демонстрируя при этом кастрирующее поведение, как по отношению к отцу ребенка, так и по отношению к мужчинам вообще. Мать часто провоцирует агрессию со стороны мужа унижительными замечаниями или первой нападая на него физически. Сыну в такой семейной системе отводится роль материнского

защитника и опоры, но одновременно транслируется идея, что он не должен ни в чем быть похожим на отца, и вообще является представителем бесполезного мужского племени («Ты — мое говно, я тебя высрала»). Сексуальные отношения между родителями видятся мальчику либо отсутствующими, либо воспринимаются как проявление агрессии со стороны отца. При такой семейной конфигурации у мальчика формируется амбивалентное отношение к обоим родителям, их социальным и сексуальным ролям.

Пациенты-геи приходят в терапию с фантазиями о безграничной любви матери к ним и их особой близости с ней. Рассказы в начале терапии содержат высказывания типа: «С мамой у меня очень близкие отношения, я ей до сих пор все рассказываю», «Мать меня обожала и боготворила». В описаниях матери явно присутствует идеализация, практически всегда она описывается как «добрая», «заботливая», «всегда поможет», но при этом создается впечатление, что какого-то конкретного содержания за этим не стоит. Можно было бы предположить, что идея З.Фрейда о ранней и чрезвычайно сильной фиксации на матери и попытке воспроизвести в своих сексуальных отношениях отношения матери и сына, до сих пор может использоваться в качестве объяснительной, если бы очень скоро амбивалентность чувств по отношению к матери не становилась слишком явной. Один из пациентов описал свое отношение таким образом: «Маму я очень люблю, она меня всегда понимает и поддерживает. Но одновременно я ее ненавижу за то, что она не понимала, какое ужасное детство у меня было». Другой пациент регулярно навещает мать, которая живет в другом городе, часто звонит ей, но при этом говорит: «С мамой у меня очень плохие отношения» и приводит весьма впечатляющие примеры материнских реакций: «Она мне пишет: «сдохни, проклятый пидор!»; говорит: «жаль, что ты родился, лучше бы у меня тогда опять случился выкидыш». Когда я спрашиваю, как он это переживает, отвечает: «Да нормально, я уже привык», и действительно не проявляет признаков обиды или горя. На вопрос: «А что за человек ваша мама?», отвечает: «Она очень добрая, заботливая, всегда всем помогает». Противоречий в своем описании матери не замечает, не прекращает свои визиты домой и попытки поделиться с матерью новостями о своей жизни. (В своих отношениях с сексуальными партнерами предпочитает максимально жесткий секс в пассивной позиции и никогда не разрывает отношений первым).

Судя по описаниям геев их отношений с матерью, можно сделать вывод о полном провале контейнирующей материнской функции: мать либо не обращает внимания на реальные проблемы сына и его эмоции, либо предлагает избыточные формы удовлетворения, которые на самом деле призваны снять материнскую тревогу, а не удовлетворить потребности ребенка. Примеры: 1) Пациент, профессионально успешный event-менеджер, 35 лет. В начале терапии так рассказывал о своих отношениях с матерью: «Мама

В описаниях матери явно присутствует идеализация, практически всегда она описывается как «добрая», «заботливая», «всегда поможет», но при этом создается впечатление, что какого-то конкретного содержания за этим не стоит.

меня с детства боготворила, мне всегда давали деньги на любые мои увлечения: музыка, танцы. Она говорила: «занимайся, чем хочешь». В процессе терапии взгляд на отношения с матерью изменился: «Когда я попытался пожаловаться матери, что ребята надо мной издеваются, она ответила: неправда, тебя все любят, — больше я ей ничего не рассказывал. Она и сейчас такая же — когда я говорю что-то о своих проблемах на работе или бытовых, она никак не реагирует и сразу же переводит разговор на другую тему, начинает говорить про огород или про соседей. Или вообще заканчивает разговор. Поэтому я всегда старался показать ей, что у меня все хорошо. Я для нее такой мальчик-праздник». 2) Пациент говорит: «Мама всегда старалась дать мне все, что я хочу. Когда я сказал, что мне нравятся киви, она принесла мне ящик киви, если я говорил, что хочу бананов, она приносила ящик бананов». Оба пациента, описывая отношения с родителями, говорят: «Меня никогда ни за что не ругали», даже в тех случаях, когда они считали подобную реакцию правомерной и ожидали ее. Это вызывало растерянность и безуспешные попытки понять, что же «правильно» в человеческих отношениях.

Отношение к отцу также амбивалентное, в начале терапии на поверхности ненависть и страх перед отцом, как правило, объясняемые плохим отношением к матери и фантазиями о непринятии отцом сына (то есть непринятии мужественности мальчика другими мужчинами). В ходе терапии начинают осознавать тоску по близости и защите, и так или иначе проговаривают, что в партнерах своего пола хотят найти замену отцовской фигуры.

Когда в процессе терапии отношение к обоим родителям начинает изменяться, этот факт их пугает — как будто начинает рассыпаться вся конструкция представлений о себе и других людях («Как будто я предаю мать — я не такой человек», «Не хочу прощать отца»).

Провал материнского контейнирования, создающего реальные связи, и отсутствие отцовского разделяющего и защищающего влияния вызывает сдвиг в сторону

Каждый считает, что имеет право говорить о другом то, что думает, так как это — проявление искренности, но лишает такого права другого, так как с его стороны это - проявление агрессии или «неэтичное поведение».

Судя по описаниям геев их отношений с матерью, можно сделать вывод о полном провале контейнирующей материнской функции: мать либо не обращает внимания на реальные проблемы сына и его эмоции, либо предлагает избыточные формы удовлетворения, которые, на самом деле, призваны снять материнскую тревогу, а не удовлетворить потребности ребенка.

нарциссического выживания, в котором преобладают воображаемые переживания и уход от реальных контактов. К. Скинайя (9) по этому поводу пишет: «Если мать не может адекватно стимулировать потенциал либидо ребенка, он вынужден использовать в качестве замены поверхность тела и отверстия: таким образом в процессе роста на первое место выходит эротизация. Желание близости заменяется фантазиями о полном слиянии, которые могут обрушить границы времени, пространства, разницы между поколениями и нужного разделения».

Описанный тип отношений мальчика с родителями ведет к уязвимости и нарциссической защите, в результате формируется представление о себе, далекое от реальности, и нестабильное самоуважение; скрытое чувство неполноценности и стыда и желание добиться ощущения неповторимости и превосходства в любой области и сохранить его.

Социальные связи, за исключением профессиональных контактов, также оказываются весьма проблемными. В начале терапии обычно говорят, что у них много друзей, в число которых входят влиятельные, богатые или известные персоны, чем они очень гордятся. Из рассказов становится ясно, что друзьями считаются все, с кем можно хорошо провести время. Дружеские связи представляют собой типичную нарциссическую

Провал материнского контейнирования, создающего реальные связи, и отсутствие отцовского разделяющего и защищающего влияния вызывает сдвиг в сторону нарциссического выживания, в котором преобладают воображаемые переживания и уход от реальных контактов.

цепь идеализаций и разочарований. В процессе терапии представление о дружбе меняется: начинают считать друзьями тех людей, которым они интересны и на чью эмоциональную поддержку они могли бы рассчитывать, и приходят к выводу, что у них нет друзей. Это вызывает чувство горечи и одиночества, иногда нарциссическую ярость. Часто начинают воспринимать терапевта как друга, о чем говорят. В дружеских отношениях очень чувствительны к любым вербальным и невербальным реакциям в свой адрес, воспринимая их как несправедливую критику, даже если они таковыми по факту не являются. Часто ссорятся с друзьями и партнерами по поводу того, кто что может говорить другому, занимая при этом абсолютно зеркальные позиции: каждый считает, что имеет право говорить о другом то, что думает, так как это — проявление искренности, но лишает такого права другого, так как с его стороны это — проявление агрессии или «неэтичное поведение».

Любовь и сексуальные отношения разделены. Широко распространены отношения, обозначаемые аббревиатурой FWB (friends with benefits — друзья с привилегиями, в отечественном варианте «секс по дружбе») — более или менее регулярные встречи для секса без эмоциональной привязанности и взаимных обязательств. Характерной особенностью сексуальных отношений является также промискуитет, при этом промискуитет

Сексуальные отношения перестают быть личной и интимной областью и становятся публичной демонстрацией нарциссического превосходства и всемогущества.

мают, но чувство опасности еще больше возбуждало. А потом я испытывал чувство вины и начинал придирааться к партнеру». Связи и измены постоянно обсуждаются в обществе, «все про всех всё знают». Таким образом, сексуальные отношения перестают быть личной и интимной областью и становятся публичной демонстрацией нарциссического превосходства и всемогущества.

Любовные отношения также очень болезненны. Желают близости, но не верят в ее существование и боятся ее. В начале отношений может иметь место слияние, но затем отношения начинают восприниматься как несправедливое использование (появляется типичная нарциссическая жалоба: «я вкладываю намного больше, чем получаю взамен»), либо как отношения «газлайтинга» — когда партнер приписывает несуществующие чувства и заставляет сомневаться в собственной адекватности. Чувства к партнеру меняются от обожания до ненависти и обратно в очень короткие сроки, иногда сами пациенты характеризуют их как эмоциональные качели. При расставании, которое воспринимается как крайне болезненное, переживается не столько горе по поводу потери партнера, сколько ощущение униженности, собственной несостоятельности: «Чем я хуже его нового парня?» и злость с фантазиями о мести. Создается впечатление, что оба партнера жаждут найти в другом заботу, принятие и необходимый контейнер, но терпят фиаско и начинают бороться за власть и возможность контролировать партнера.

Хотя объектные отношения выглядят как характерные для нарциссической патологии, среди моих пациентов не было ни одного, кого можно было бы отнести к холодным нарциссам. Но явно присутствует неудовлетворенность нарциссических потребностей по Х. Кохуту (5): потребность в идеале, потребность в зеркале и потребность в альтер-эго.

Подводя итог своему опыту работы, я прихожу к выводу, что гомосексуальный выбор партнера у мужчин, скорее, является защитным выбором, призванным уменьшить давление драматических переживаний и последствий нарциссической травматизации.

Я присоединюсь к мнению Каролы Ленэке (8) по поводу толерантности аналитика: она проявляется в способности

путается с сексуальностью. Чем больше связей, тем более сексуально привлекательными и потентными себя считают. Даже при наличии постоянного партнера присутствуют случайные связи, потребность в которых остро переживается и часто носит облигаторный характер, что характерно для перверсий: «То, что я изменяю партнеру, вызывало Osborne возбуждение. Я боялся, что меня пой-

Чувства к партнеру меняются от обожания до ненависти и обратно в очень короткие сроки, иногда сами пациенты характеризуют их как эмоциональные качели.

принимать и контейнировать любые, в том числе самые социально неодобряемые чувства пациента, а не в том, чтобы смешивать гражданские права и свободы с критериями психического здоровья.

И последнее замечание, касающееся женских фантазий: не является ли восхищение отношениями геев новой формой женской зависти к пенису? И еще: каким будет материнское реверси — мечты, фантазии, надежды матери относительно ребенка-сына, которого она будет растить, и которое сыграет структурирующую роль в формировании его психики?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенвенуто С. Перверсии. Сексуальность, этика, психоанализ. — СПб: «Скифия-принт», 2016.
2. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. — М.: Независимая фирма «Класс», 2018.
3. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. — М.: Независимая фирма «Класс», 2004.
4. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. — М.: Независимая фирма «Класс», 2014.
5. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. — М.: «Когито-Центр», 2003.
6. Куттер П., Мюллер Т. Психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. — М.: «Когито-Центр», 2011.
7. Лё Сольда, Ю. Причины гомосексуальности. Том 1. Причины гомосексуальности. Лекции по новой психоаналитической теории гомосексуальности. — М.: ООО «Псилабус», 2021.
8. Ленэке К. Сексуальные преступления и симбиотические отношения. Научное психоаналитическое исследование. — М.: «Академический проект», 2021.
9. Скинайя К. Педофилия и психоанализ. — М.: ООО «Псилабус», 2021.
10. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. — М.: «Академический Проект», 2004.
11. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. В кн.: «Психология бессознательно-го». — М.: «Просвещение», 1989.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.